

ПЕРЕВОД КАК ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОЗМОЖНЫМ И НЕВОЗМОЖНЫМ МИРАМ

В. З. Демьянков

Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Поступила в редакцию 10.10.2022 г.
Принята к публикации 02.02.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-2

Перевод рассматривается под углом зрения семантики возможных миров. Целью данного исследования является установление возможностей образа путешествия по мирам в переводческой практике. Особое внимание уделяется случаям расхождения между миром оригинального текста и миром переводного текста. Например, когда в тексте перевода субъонктивные формы, обязательные в языке оригинала (во французском), приходится заменять формами индикатива, более обычными в целевом языке (например, в русском). Внешне это выглядит как трансформация высказывания о возможном в высказывание о действительном. Анализируются техники передачи французских вставок, в большом количестве присутствующих в русском оригинале романа Л. Н. Толстого «Война и мир», на целевой (французский же) язык во французском издании. Показывается, что понятие «переводимость языка» в постулате о взаимопереводимости языков не совпадает с понятием «переводимость текста», имеющим градуальный характер и зависящим от внешних и внутренних функций адаптации текста в различных культурах контекстуализации – традициях, модах и т.п. Представление о переводе как о путешествии по мирам включает и разграничение между сиюминутным представлением о реальных мирах автора оригинала, переводчика и адресата переводного текста в их социокультурной данности.

Ключевые слова: перевод, семантика возможных миров, субъонктив в романских языках, сослагательное наклонение, контрастивный анализ языков

1. Введение. Переводимость языка и текста

Метафора возможного мира, выстраиваемого по ходу продуцирования и / или понимания речи, как известно (Демьянков, 2021), реализована в большом количестве исследований – и в философской логике, и в лингвистических описаниях. Этот образ неплохо отражает и переводческую деятельность. В философии языка к незыблемым относят постулат о переводимости в различных редакциях, напр.: «любой естественный человеческий язык может быть переведен на любой другой человеческий язык» (any natural human language can be translated into any other human language (Osgood, 1980, p. 14)). При этом имеется в виду язык как набор элементов, из которых строятся тексты. Грамматические, лексические и другие (скажем, коммуникативно-прагматические) описания таких «языковых запасов», пусть и не «родных», устроены так, чтобы быть понятными для «неносителей» этого языка. В этом-то и

состоит «переводимость языка». На принципиальной взаимопереводимости языков, обладающих абсолютно различными структурами, основана критика теории «лингвистической относительности»: живя в различных мирах, носители таких языков испытывают затруднения, говоря и понимая высказывания на другом языке, однако трудности эти преодолимы, пусть и не прямым путем (Kienpointner, 1998, S. 90).

Переводимость же текстов варьируется: конкретные речевые произведения (тексты, дискурсы и т. п.) с разной степенью легкости поддаются переводу с языка на язык (Code, 1980, p. 245); иногда с большим трудом, доводящим добросовестного переводчика (знающего цену слову на исходном и на целевом языке) до изнеможения и отчаяния, отчего слабодушные опускают руки и останавливаются на «буквальном переводе», на чем-то вроде глоссы-подстрочника. Пара «оригинал + перевод» образует «несинтагматичное» отношение интертекстуальности, привносящей свои оценки и текстов, и «миров», ими «порождаемых» в читателе (Krause, 1999, S. 66).

Итак, *переводимость текстов* и *переводимость языков* — вещи разные, но между собой связанные. Переводческий навык — умение интерпретировать речь и выражать ее смысл «другими словами» и на другом языке — опирается не только на языковые, но и на энциклопедические знания (Delisle, 1984, p. 236), что является причиной таких характеристик перевода, как «многовариантность, неопределенность (недоопределенность), относительность, неполнота (неполная переводимость), дополнительность и контекстуализм» (Золян, 2019, с. 194).

Не следует думать, что эти и подобные несовершенства перевода — следствие только недосмотра в потоке жизненной суеты нашего времени. Высокообразованный Цицерон, на латыни цитируя греческих авторов, иногда даже и не стремился к полной адекватности перевода в нынешнем смысле, выучка и идеалы перевода у него были своими, а представления о переводческой корректности — далекими от сегодняшних (Powell, 1995, p. 274). Да и в наше время нет единства мнений, например, о том, как реагировать в переводе на ошибки, нелогичности, оговорки и т. п., допущенные в оригинале: «этические кодексы» разных школ перевода требуют различной степени дистанцирования (иногда нулевой, а иногда полной) от автора оригинала (Newmark, 1996, S. 37–40). «Верность перевода» представляется результатом различных составляющих функций (Nord, 1997, S. 57). Например, фатическая функция перевода реализуется привычностью, «конвенциональностью» формы; референциальная функция — возможностью идентифицировать называемые в тексте предметы и людей; экспрессивная функция — непротиворечием систем ценностей, заложенных в исходном и в переводном текстах; апеллятивная функция — контактом с теми, кому предназначен перевод. При таком функциональном подходе важны интересы адресата (Hönig, 1995, S. 7): не человек для перевода, а перевод для человека. Далее попытаемся рассмотреть понятие (не)переводимости под углом зрения семантики возможных миров (в продолжение очерка этой концепции, данного в работе (Демьянков, 2021)).

2. Перевод как путешествие

Нейрат (Neurath, 1932) в свое время уподоблял науку кораблю, находящемуся в постоянном состоянии перестройки: он остается на плаву, в то время как одни детали постоянно заменяются на другие. Интересный и важный для философии науки комментарий по этому поводу см.: (Quine, 1960, p. 3). При такой трактовке переводчики — кто на лайнере, кто на моторке, а кто на надувной лодке (сообразно интеллекту и честолюбию) — объезжают текст как «возможный мир», по пути обновляя инструментарий перевода и показывая читателю другой «возможный мир», мир переводной версии исходного текста. Когда С. Рушди говорит о мигрантах, переселившихся из другой цивилизации в Англию, как о «переведенных людях», он имеет в виду именно переход из одного мира в другой («Having been borne across the world, we are *translated men*. It is normally supposed that something always gets lost in translation; I cling, obstinately, to the notion that something can also be gained» (Rushdie, 2012, p. 17). От этого возникает «транснация» (*transnation*), подобно «трансгендеру» (Trivedi, 2009, p. 33).

Такой перевод напоминает путешествие на корабле по заданным мирам, когда на борту остаются на добрую память высушенные образцы экзотичных культур и натур, найденные на чужих островах и достойно украшающие домашнюю кунсткамеру переводчика (Allen, Bernofsky, 2013, p. XVI). Изучая накопленное и описывая впечатления о чужих мирах, выбирают различный прищур глаз, наклон головы, оптику микроскопа... Варьируется и передаваемая переводчиком картина, «оптика» миров. Скажем, когда в переводе речь идет о всего лишь возможном, воображаемом, прекрасном мире, а в оригинале — о реальном и добротном, но покосившемся на бок. Или, наоборот, когда оригинал значительно мечтательнее перевода, а миры подает в пелене несбыточных желаний. Но с какого момента следует считать этот корабль и переводной мир, построенный на его борту, полностью «переведенными»? И как последовательность замен зависит от контекстной обусловленности «частей» исходного и целевого языков?

3. Выбор переводного эквивалента

Выбор переводного эквивалента происходит с учетом окружающего контекста: не любой буквальный эквивалент уместен в рамках целого высказывания, не любое переведенное лько годится в любую строку перевода. Так, *schön* по-немецки обладает своими ограничениями и свободами сочетания с другими единицами языка, с которыми русский эквивалент *красивый* далеко не всегда уместен: ср. *eine schöne Summe Geld* (букв. «красивая сумма денег») и *солидная сумма денег*.

Русскому *нет* иногда лучше соответствует немецкая или английская единица с буквальным значением «да», чем «нет», и наоборот: это зависит от того, какие части переводимого текста следует подчеркнуть,

«динамизировать» (Демьянков, 2006). Так, реплике «*He ain't down here!*» Parsons called back (J. London, «The Sea Wolf», 1904) в переводе закономерно соответствует: «*Его здесь нету!*» – отозвался Парсонс (Дж. Лондон, «Морской волк», пер. З. Вершининой, 1929). Но в ответной фразе по-английски там же читаем: «*Yes, he is,*» I said, sliding out of the bunk and striving my hardest to keep my voice steady and bold, что в том же переводческом исполнении звучит не с *да*, а с *нет*: «*Нет, я здесь,*» – сказал я, спрыгивая с койки и стараясь придать своему голосу такое выражение, точно ничего и не случилось. Буквальное *Да, я здесь* в этом контексте тоже было бы грамматически правильно, но аутистично.

Итак, понятия по-разному реализованы, или «контекстуализированы», в различных культурах (Riffaterre, 1995, p. 68), а сохранение в переводе связей между понятиями в рамках «концептуальной структуры» оказывается проблематичным с самого начала (Jackendoff, 2010, p. 7) и вряд ли достижимо в полном объеме. Иначе говоря, языки сами по себе гарантируют взаимопереводимость, но тексты переводимы только в определенной степени. Подобно советскому рублю: его стоимость гарантирована была всем золотым запасом государства, но купить на этот рубль можно было только избранные товары, да и те (в условиях инфляции и товарного дефицита) с большим трудом. Высшую же степень трудности можно назвать непереваемостью текста, а не языка. Английскому *yes* в русском языке стандартно соответствует *да*, но в русских текстах, как и в пунктах обмена валюты («обмена валютами», – любил говорить Ю. С. Степанов), переводиться оно иногда может, при конъюнктурном соотношении возможного мира с реальным, как *нет*.

«Непереводимость» в специальной литературе – термин далеко не новый, а самой проблеме посвящена большая и очень интересная литература, дающая советы, как в типовых трудных случаях с помощью перевода достучаться до сердца потенциального адресата и какими переводческими «гвоздями» прибивать к кораблю дощечки, чтобы те не оторвались при первом же неловком движении неуклюжего читателя. Постулат переводимости языка просто подбадривает: «Держись, переводчик, крепись, переводчик! Победа будет за нами! Перевод, пусть и неказистый, гарантирован!» Успокоенный переводчик как может минимизирует шероховатости и в переводной мир грузит откровенную отсебятину только в отчаянии, от усталости или по неведению.

Особый случай представляет собой передача атмосферы доверия или недоверия к реальному или фантастичному миру переводимого текста. Об этом «установочном» измерении сигнализируют предикаты (со)мнения в романских языках, когда (в атмосфере «недоверчивости») основной предикат должен быть в особом наклонении – в «субъюнктиве». По-русски же в таких случаях сослагательное наклонение как отдаленный аналог субъюнктива не обязателен, а порой даже невозможен (Демьянков, 2021). Большим мастерам слова нарушение этого правила, впрочем, прощают, ср. галлицизм *Боюсь: брусничная вода / Мне не наделала б вреда* (А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», глава 3, 1823–1831), в пушкинском произведении не замечаемый, при индикативе в нормальном русском *Боюсь: брусничная вода мне наделает вреда*.

Другой пример: по-английски и по-немецки после глагола возможности (*may, can*) допустимы наречия типа *possibly* «возможно», *probably* «вероятно», которые по-русски звучат более чем избыточно, ср. английское *may impossibly*, немецкое *kann unmöglich* и их неудачливый и неграмматичный русский эквивалент *может невозможно* (Демьянков, 2022).

Когда несоответствие или неполное соответствие перевода оригиналу становится неизбежным, храбрый переводчик открыто и мужественно капитулирует, ср.: *Шишков, прости: не знаю, как перевести* (А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»). Так появляются варваризмы типа *хайли лайкли*, уместные в оригинальном макароническом и / или пародийном стиле исполнения, но не в собственно тексте перевода, где они воспринимались бы как переводческая лень. Переводчик, демонстрируя трудолюбие, выходит за пределы насиженной палубы своего корабля, за пределы своего привычного мира, чтобы минимизировать смысловые потери. Например, в скобках указывает, как это было в оригинале или оставляет имена собственные в оригинальном описании (особенно часто в текстах по медицине), указывая, что мы имеем дело с *rigid designators*, которых, не дай бог, коснется неумелая чужая рука.

4. Когда перевод избыточен

Приведем пример текста, не нуждающегося в переводе, но все-таки переведенного упрямым и трогательно-совестливым переводчиком. Все мы помним, чем начинается роман «Война и мир» Л. Н. Толстого: первые реплики Анны Павловны Шерер были аппетитно поданы по-французски и вдохновили многие поколения россиян на изучение французского языка: «Eh bien, mon prince. Gènes et Lucques ne sont plus que des arpanages, des поместья, de la famille Buonaparte. Non, je vous préviens, que si vous ne me dites pas, que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocités de cet Antichrist (ma parole, j’y crois) – je ne vous connais plus, vous n’êtes plus mon ami, vous n’êtes plus мой верный раб, comme vous dites. Ну, здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur, садитесь и рассказывайте» (Л. Н. Толстой, «Война и мир», т. 1, 1863–1869). Буквальный перевод: «Что ж, мой князь, Генуя и Лукка теперь не более чем уделья-апанаж, поместья семьи Буонапарте. Нет, я предупреждаю вас, что если вы не скажете мне, что у нас война, если вы все еще позволите себе сглаживать все позоры, все злодеяния этого антихриста (честное слово, я в этом убеждена) – я вас больше не знаю, вы мне больше не друг, вы мне больше не верный раб, как вы говорите. Ну, здравствуйте, здравствуйте. Я вижу, что пугаю вас, садитесь и рассказывайте».

Но заглянем в текст опубликованного во Франции французского перевода этого романа. Вместо оригинального французского текста диалога, вопреки ожиданию, мы увидим его французский же пересказ: «Eh bien, prince, que vous disais-je? Gènes et Lucques sont devenues les propriétés de la famille Bonaparte. Aussi, je vous le déclare d’avance, vous cesserez d’être mon ami, mon fidèle esclave, comme vous dites, si vous con-

tinuez à nier la guerre et si vous vous obstinez à défendre plus longtemps les horreurs et les atrocités commises par cet Antéchrist..., car c'est l'Antéchrist en personne, j'en suis sûre! Allons, bonjour, cher prince; je vois que je vous fais peur... asseyez-vous ici, et causons» (Comte Léon Tolstoï, «La guerre et la paix», t. 1, traduction par une Russe. Paris: Hachette, 1901). В буквальном переводе: «Ну, князь, что я вам говорила? Генуя и Лукка стали собственностью семьи Бонапартов. Кроме того, я заранее заявляю вам, что вы перестанете быть моим другом, моим верным рабом, как вы говорите, если вы продолжите отрицать войну и если вы будете продолжать упорно защищать ужасы и зверства, совершенные этим Антихристом... потому что это Антихрист собственной персоной, я уверена в этом! Ну, здравствуйте, дорогой князь. Я вижу, что пугаю вас... присядьте здесь и давайте поболтаем».

Имя переводчика на титульной странице: *une Russe* «некая русская» («Traduction par une Russe»), это была графиня Ирина Ивановна Воронцова-Дашкова, в замужестве светлейшая княгиня Варшавская, графиня Паскевич-Эриванская (1835–1924), родившаяся чуть позже Л. Н. Толстого в Санкт-Петербурге и умершая заметно позже него в Гомеле. Более чем скромное указание в условиях гендерного и национального неравенства в глазах европейской публики начала XX века уже само по себе наводит на размышления. Во всяком случае, конфликта авторского самолюбия великого русского писателя, живого классика, с переводческими амбициями «некоей русской» (что называется *уничтожение паче гордости*) таким образом удается избежать.

Многочисленные расхождения между оригинальным французским и переводным французским говорят о том, что разъяснения не бывают лишними, даже когда и так все ясно. Переводчица следует герменевтическому завету понять автора лучше, чем он сам себя понимает, и передает это понимание читателю. Беря на себя обязательство воспроизвести чужой текст на другом языке, переводчица по мере сил передает толстовские «натиск», удовольствие, «текстуру», напряжение и тон заменяемых частей оригинала («pressure, pleasure, texture, tension, and tone of its constituent parts» (Cole, 2013, p. 11)).

Во всяком случае достигается эксплицитность. Например, во «французском переводе с французского» появляется фраза *que vous disais-je?* «что я вам говорила?», которой в оригинале нет. Вместо обращения *mon prince* «мой князь» в толстовском тексте в переводе имеем просто *prince*. Итальянская версия фамилии Наполеона *Buonaparte* заменена на французское общепринятое написание *Bonaparte*. Французский оборот *ne sont plus que des apanages* «не что иное, как уделы» заменено на незатейливое «стали собственностью», без отрицания и без историзма «удел, апанаж». Из-за этих и других замен перевод стал «яснее ясного» оригинала.

Иначе говоря, вместо типового перевода на другой язык произносится упрощенный и перефразированный текст на языке-источнике, выдающий ход переработки оригинального текста: такой полуфабрикат при межъязыковом переводе с иного языка на обозрение обычно не выставляют.

Известно, что буквальный перевод фигур речи приводит к нарушению правильности и всех оттенков смысла на целевом языке (ср.: «Un mot ne conserve pas dans la traduction tous les sens figurés qu'il a dans la langue originale: chaque langue a des expressions figurées qui lui sont particulières; soit parce que ces expressions sont tirées de certains usages, établis dans un pays, et inconnus dans un autre; soit par quelque autre raison purement arbitraire» (Du Marsais, 1810, p. 27–28)). Вполне законно по-деловому жертвовать образностью, сбрасывая с корабля цветистые обороты и заменяя их на сухие и скучные цукаты, а живой мир остроумного автора в переводе заменять — за неимением столь же живых языковых средств — на страницы гербария, передаваемого нейтральными и банальными оборотами целевого языка.

В XVIII веке обычной практикой вообще было без колебаний сокращать, упрощать, «доместифицировать» текст, заменяя реалии языка-источника на реалии целевого языка, не стесняясь и не предупреждая об этом читателя. Но к началу XIX века такая практика в Европе начала утрачивать свой размах, и уважение к оригиналу (к «тексту» как неприкасаемому и священному предмету — в отличие от сиюминутного дискурса) резко выросло. Вместе с этим у переводчиков появилось желание и возможность посоревноваться с автором оригинала в остроумии и в живости языка (Lifschitz, 2010, p. 42), иногда делая герменевтическую интерпретацию ярче и богаче образами, чем исходный текст, выявляя не только то, что автор сказал, но и то, что он должен был в данном месте сказать, будь он живым собеседником (*nicht was der Sprechende bzw. der Schreibende ursprünglich gesagt hat, sondern was er hat sagen wollen, wenn ich sein ursprünglicher Gesprächspartner gewesen wäre* (Gadamer, 1986, S. 345)). В переводе же «Войны и мира» перед публикой предстает смиренная переводчица в образе опытного и скромного, знающего свое место, концертмейстера-аккомпаниатора на выступлении великого маэстро (перевод был авторизован Л. Н. Толстым): она на мировую славу не претендует и с общепризнанно великим русским писателем не конкурирует, но ведет себя достойно и цену себе знает. Как гениальная сопрано Аида в дуэте с меццо-сопрано Амнерис.

В иных же случаях соперничество автора с переводчиками бывает посильнее: У. Эко как много раз переводимый автор испытывал смешанные чувства по отношению к *вольным* переводам, при этом отдавая себе отчет в том, что переводчик — *подневольный* человек (значительно менее свободный истолкователь, чем в XVIII веке), который обязан передавать некие абстрактные «намерения текста», путем переговоров (*negotiation*) устанавливая компромисс между видением мира (истолкованием текста) глазами автора и стороннего человека (Есо, 2003, p. 4).

Но есть и такие места во французских вставках, в которых «некая русская» не вносит никаких правок, напр.: «*И зачем нас нелегкая несет воевать с Бонапартом?*» — сказал Шиншин. — «*Il a déjà rabattu le caquet à l'Autriche. Je crains, que cette fois ce ne soit notre tour*» «Он уже сбил спесь с Австрии. Боюсь, не пришел бы теперь наш черед» (Л. Н. Толстой, «Война и мир», т. 1, 1863–1869). Здесь при глаголе *crains* 'боюсь' глагол

‘быть’ в придаточном предложении в форме *soit*, в субъюнктиве, букв.: «Боюсь, что в этот раз *была бы* наша очередь», хотя по-русски более привычно (*было бы*, добавлю я, кокетничая с французским субъюнктивом) индикативное «Боюсь, что в этот раз наша очередь». Сослагательное наклонение у глагола с отрицанием *ne пришел бы* по-русски звучит лучше, чем у глагола без отрицания *была бы*. Удивительная корреляция таинственной переводчицы, отрицания, французского субъюнктива и русского сослагательного наклонения!

В другом месте там же читаем: «*Ah! chère amie*», – *отвечала княжна Марья*, – «*je vous ai prié de ne jamais me prévenir de l’humeur dans laquelle se trouve mon père. Je ne me permets pas de le juger, et je ne voudrais pas que les autres le fassent*». Буквально: «Ах, милая подруга моя! Я просила вас никогда не говорить мне, в каком расположении духа батюшка. Я не позволю себе судить его и не желала бы, чтоб и другие судили». Но вот что получаем из рук «неизвестной переводчицы»: «*Ah! chère amie, je vous ai priée de ne jamais me parler de la mauvaise humeur de mon père; je ne me permets pas de le juger, et je tiens à ce que les autres fassent comme moi*,» *répondit la princesse Marie en regardant à sa montre*, то есть: «“Ах, дорогая подруга, я просила вас никогда не говорить мне о плохом настроении моего отца; я не позволяю себе осуждать его и хочу, чтобы другие поступали так же, как я”, – *отвечала княжна Марья*, взглянув на свои часы». Переводчица и в начале романа, и здесь явно недолюбливает глагол *prévenir* «предупреждать, извещать заранее», неизменно заменяя его на менее изысканное *parler* «говорить». Взгляд на часы Марья в оригинале бросает только в начале последующего абзаца. А деликатная французская фраза Толстого *et je ne voudrais pas que les autres le fassent* «и я не хотела бы, чтобы другие это делали» во французском издании выглядит гораздо более однозначно и напористо, чем в русском, и говорит о том, что говорящая настаивает на своей воле, а не просто желает: *et je tiens à ce que les autres fassent comme moi* – «и я настаиваю, чтобы другие поступали так же, как я». В обоих случаях имеем субъюнктивную форму *fassent* ‘делали бы’ глагола *faire* ‘делать’.

Тем самым отсекаются посторонние возможности понять сказанное княжной Марьей.

5. Миры оригинальных и переводных текстов

Образ переводческого мира навеян практикой адаптации текста к целевому читателю, когда трудно перевести текст буквально. Переводчик в таких случаях на свой страх и риск создает новые для целевого читателя (но не всегда для носителя языка переводимого текста) «когнитивные ландшафты» («to deliver surprising cognitive landscapes hailing from unaccessible linguistic folds» (Apter, 2013, p. 2)). «Непереводимость» текста означает при таком образе недоступность или неполную доступность этого мира. Зная, что перед ним «всего лишь» перевод, носитель целевого языка прощает тексту зыбкость, не принуждая его к стойке «смирно». А не будь текст переводом, редактор многое повычеркивал бы и позаменял бы в нем (Weinberger, 2013, p. 17).

Наиболее доступны для бесконтекстного перевода с языка на язык лексические и грамматические значения, сложнее дело обстоит с контекстно-зависимым «содержанием» таких высказываний, ср.: «Значения могут быть переведены — как в моно-, так и в мультисигнальном эквиваленте, при так называемом “иносказании”; тогда *содержание* бывает, хоть и не всегда, непереводаемым в той части смысла, которая выходит за рамки *значения*, фиксированного и еще более фиксируемого ядра» (*Bedeutungen sind übersetzbar — sei es in mono- oder multisigner Entsprechung (sog. «Umschreibung»), Inhalte können in ihrem über die Bedeutung, den fixierten und noch weiter fixierbaren Kern, herausgehenden Sinn teil unübersetzbar sein, müssen es aber nicht* (Hartmann, 1958, S. 29)).

В сопоставлении науки с кораблем у Нейрата и у Куайна не говорится, с чего замены начинаются и какая деталь заменяется последней. Главное, что перевод приводит к диалогу одновременно на двух языках (Quine, 1999, p. 73).

Последовательность же операций (в основе которых — *human information processing* «человеческая обработка текста» (Bell, 1991, p. 44)) может варьироваться, имеются устоявшиеся каноны таких операций, которые унаследованы и в системах автоматического перевода (Luckhardt, 1987, S. 171). Так, если в переводе ход событий и последовательность предложений не прямо соответствуют оригиналу, говорят о новом тексте «по мотивам» исходного, но не об обычном переводе. В предложении порядок слов может отличаться от того, что было бы в сверхбуквальной «глоссе».

Процесс перевода, помимо чтения исходного текста и написания целевого текста, включает «фазы размышления» неопределенной продолжительности. Затруднения и противоречия, легкая переводимость знакомых, а потому некреативно переводимых эпизодов, «ступор» в других, тайм-аут на додумывание, поиски, пробы и ошибки, перебор возможных вариантов передачи на целевом языке, постоянная перепроверка, действительно ли получаемое сочетание слов соответствует исходному тексту; поиск в словарях, оценка вероятности того, что именно это автор текста и имел в виду, внезапное озарение, цугцванг или капитуляция из-за нехватки времени на дальнейшую отшлифовку (Krings, 1986)... Такие факторы вносят в процесс перевода элементы авантюриности и риска.

6. Заключение

Возможное и невозможное сталкиваются между собой уже тогда, когда текст на одном языке квалифицируют как перевод другого текста на другой язык: смысл одного, по определению, имитирует смысл другого, действительно совпадая с ним или просто будучи от него неотличимым. Основанием для такой квалификации является история перехода от текста-источника к тексту на целевом языке.

Ответ на вопрос о допустимости и необходимости небуквализма в переводе, таким образом, зависит от того, в какую эпоху и в рамках какой переводческой культуры (или школы, или парадигмы) перевод

рассматривается. Чем ближе к нашему времени, тем скорее можно ожидать упрека в отсебятине в тех случаях, которые наши коллеги XVIII века сочли бы *faithful translation*, «переводом верным оригиналу», в смысле (Есо, 2003, р. 192), а не просто точным переводом.

«Верность» — как переводческая, так и супружеская — толкуется в разные эпохи и в разных культурах с разными мерками и этическими оценками и — увы! — не всегда бывает действительно целесообразно-оправданной.

Исследование в разделах 2–4 выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00429) в Институте языкознания РАН. Исследование в разделах 1, 5 и 6 выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН, Москва.

Список литературы

Демьянков В. З. Можно ли измерить динамику нарратива? // Художественный текст как динамическая система. М., 2006. С. 118–123.

Демьянков В. З. О возможности в логике и в когнитивной семантике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. №4. С. 5–21.

Демьянков В. З. Семантическая редупликация в высказываниях о возможном // Когнитивные исследования языка. 2022. №4 (51). С. 39–43.

Золян С. Т. К основаниям теории междисциплинарного трансфера. Принцип переводоведческой относительности // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2019. Вып. 9. С. 193–232.

Allen E., Bernofsky S. Introduction: A culture of translation // In Translation: Translators on Their Work and What It Means / ed. by E. Allen and S. Bernofsky. N. Y., 2013. P. xiii–xxiii.

Apter E. Against World Literature: On the Politics of Untranslatability. L.; N. Y., 2013.

Bell R. T. Translation and translating: Theory and practice. L.; N. Y., 1991.

Code L. Language and knowledge // Word, 1980. Vol. 31, №3. P. 245–258.

Cole P. Making sense in translation: Toward an Ethics of the Art // In Translation: Translators on Their Work and What It Means / ed. by E. Allen, S. Bernofsky. N. Y., 2013. P. 3–16.

Delisle J. L'analyse du discours comme méthode de traduction: Initiation à la traduction française de textes pragmatiques anglais: Théorie et pratique. Ottawa, 1984.

Du Marsais C.-Ch. Des tropes, ou des différents sens dans lesquels on peut prendre un même mot dans une même langue: Ouvrage utile pour l'intelligence des Auteurs, et qui peut servir d'introduction à la Rhétorique et à la Logique [1730]. P., 1810.

Eco U. Mouse or Rat? Translation as Negotiation. L., 2003.

Gadamer H.-G. Hermeneutik II: Wahrheit und Methode: Ergänzungen, Register. Tübingen, 1986.

Hartmann P. Zur kategorialen Grundlegung der Syntax // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. München, 1958. Bd. 12. S. 25–48.

Hönig H. Konstruktives Übersetzen. Tübingen, 1995.

Jackendoff R. Meaning and the Lexicon: The Parallel Architecture 1975–2010. Oxford, 2010.

Kienpointner M. Sprachsystem, Sprachnorm, Sprachgebrauch und Weltbild: Eine Auseinandersetzung mit Benjamin Lee Whorfs linguistischem Relativitätsprinzip //

Text, Sprache, Kultur: Festschrift zum 50-jährigen Bestehen des Instituts für Übersetzer- und Dolmetscherausbildung der Universität Innsbruck / hrsg. von P. Holzer, C. Feyrer. Frankfurt a/M, 1998. S. 87–107.

Krause W.-D. Kommunikationslinguistische Aspekte der Textsortenbestimmung // Textsorten: Kommunikationslinguistische und konfrontative Aspekte / hrsg. von W.-D. Krause. Frankfurt a/M, 1999. S. 34–67.

Krings H.P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht: Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern. Tübingen, 1986.

Lifschitz A.S. Translation in theory and practice: The case of Johann David Michaeli's prize essay on language and opinions (1759) // Cultural Transfer Through Translation: The Circulation of Enlightened Thought in Europe by Means of Translation / ed. by S. Stockhorst. Amsterdam; N. Y., 2010. P. 29–43.

Luckhardt H.-D. Der Transfer in der maschinellen Sprachübersetzung. Tübingen, 1987.

Neurath O. Protokollsätze // Erkenntnis. 1932. Bd. 3. S. 204–214.

Newmark P. The ethics of translation: Diverging from the source language text // Übersetzungswissenschaft im Umbruch: Festschrift für Wolfram Wilss zum 70. Geburtstag / hrsg. von A. Lauer [et al.]. Tübingen, 1996. S. 37–41.

Nord Ch. So treu wie möglich?: Die linguistische Markierung kommunikativer Funktionen und ihre Bedeutung für die Übersetzung literarischer Texte // Linguistik und Literaturübersetzen / hrsg. von R. Keller. Tübingen, 1997. S. 35–59.

Osgood Ch. E. Lectures on language performance. N. Y., 1980.

Powell J. G. F. Cicero's translations from Greek // Cicero the philosopher / ed. by J. G. F. Powell. Oxford, 1995. P. 273–300.

Rushdie S. Imaginary homelands. Essays and criticism 1981–1991. L., 2012.

Quine W. V. O. Word and object. Cambridge MA, 1960.

Quine W. V. O. Where do we disagree? // The philosophy of Donald Davidson / ed. by L. E. Hahn. Chicago ; La Salle IL, 1999. P. 73–79.

Riffaterre M. On the complementarity of comparative literature and cultural studies // Comparative literature in the age of multiculturalism / ed. by Ch. Bernheimer. Baltimore ; L., 1995. P. 66–73.

Trivedi H. Anglophone transnation, postcolonial translation: The book and the film as namesakes // Semiotic Encounters: Text, Image and Trans-Nation / ed. by S. Säckel, W. Göbel, M. Hamdy. Amsterdam; N. Y., 2009. P. 31–49.

Weinberger E. Anonymous sources: (On translators and translation) // In Translation: Translators on Their Work and What It Means / ed. by E. Allen, S. Bernofsky. N. Y., 2013. P. 17–30.

Об авторе

Валерий Закиевич Демьянков, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

E-mail: vdemiank@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9331-3708

Для цитирования:

Демьянков В. З. Перевод как путешествие по возможным и невозможным мирам // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 26–39. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-2.

TRANSLATION AS A JOURNEY THROUGH POSSIBLE AND IMPOSSIBLE WORLDS

V. Z. Demyankov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 str. 1, Bol'shoy Koslovskiy per., Moscow, 125009, Russia

Submitted on October 10, 2022

Accepted on February 02, 2023

doi: 10.5922/ 2225-5346-2023-3-2

In this paper, translation is examined from the perspective of the semantics of possible worlds. The consequences of this viewpoint are explored, particularly in relation to the metaphor of traveling through possible and impossible worlds in translation practice. Special attention is given to cases where there are disparities between the world of the original text and the world of the translated text. For example, in the case of French subjunctive forms, which are grammatically mandatory in the original language, they often need to be replaced with indicative forms in the target language, such as Russian. Externally, this transformation appears as a change from expressing a possibility in one world to making a statement about the actual world. Various techniques for transforming French inserts in the original Russian text (in Leo Tolstoy's novel "War and Peace") are analyzed and compared with the actual French translation found in a French edition of the same text by a Francophone translator. The study demonstrates that the concept of language translatability does not align completely with the concept of text translatability, as the latter is influenced by various external and internal factors related to cultural contexts, traditions, trends, and more. Viewing text translation as a journey through worlds also involves elements from the real worlds that belong to the original author, the translator, and the recipients of the translated text within their socio-cultural contexts.

Keywords: translation, possible-world semantics, Romance subjunctive, Russian conjunctive, contrastive linguistic analysis

The present study was carried out at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00429 (sections 2, 3, and 4) and project no. 19-18-00040 (sections 1, 5, and 6).

References

- Allen, E. and Bernofsky, S., 2013. Introduction: A culture of translation. In: E. Allen and S. Bernofsky, eds. *In Translation: Translators on Their Work and What It Means*. New York, pp. 13–23.
- Apter, E., 2013. *Against world literature: On the politics of untranslatability*. London; New York.
- Bell, R. T., 1991. *Translation and translating: Theory and practice*. London; New York.
- Code, L., 1980. Language and knowledge. *Word*, 31 (3), pp. 245–258.
- Cole, P., 2013. Making sense in translation: Toward an ethics of the art. In: E. Allen and S. Bernofsky, eds. *In Translation: Translators on Their Work and What It Means*. New York, pp. 3–16.
- Delisle, J., 1984. *L'analyse du discours comme méthode de traduction: Initiation à la traduction française de textes pragmatiques anglais: Théorie et pratique*. Ottawa.

Demyankov, V.Z., 2006. Can one measure narrative dynamics? In: N. A. Fateeva, ed. *Khudozhestvennyi tekst kak dinamicheskaya sistema* [Fictional text as a dynamic system]. Moscow, pp. 118–123 (in Russ.).

Demyankov, V.Z., 2021. On possibility in logic and in cognitive semantics. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiky* [Issues of Cognitive Linguistics], 4, pp. 5–21, <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2021-4-5-21> (in Russ.).

Demyankov, V.Z., 2022. Semantic reduplication in judgments on possibility. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 4 (51), pp. 39–43 (in Russ.).

Du Marsais, C.-Ch., 1810. *Des tropes, ou des différents sens dans lesquels on peut prendre un même mot dans une même langue: Ouvrage utile pour l'intelligence des Auteurs, et qui peut servir d'introduction à la Rhétorique et à la Logique* (1730). Paris.

Eco, U., 2003. *Mouse or Rat? Translation as Negotiation*. London.

Gadamer, H.-G., 1986. *Hermeneutik II: Wahrheit und Methode: Ergänzungen, Register*. Tübingen.

Hartmann, P., 1958. Zur kategorialen Grundlegung der Syntax. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*, 12, pp. 25–48.

Hönig, H., 1995. *Konstruktives Übersetzen*. Tübingen.

Jackendoff, R., 2010. *Meaning and the Lexicon: The Parallel Architecture 1975–2010*. Oxford et al.

Kienpointner, M., 1998. Sprachsystem, Sprachnorm, Sprachgebrauch und Weltbild: Eine Auseinandersetzung mit Benjamin Lee Whorfs linguistischem Relativitätsprinzip. In: P. Holzer and C. Feyrer, eds. *Text, Sprache, Kultur: Festschrift zum 50-jährigen Bestehen des Instituts für Übersetzer- und Dolmetscherausbildung der Universität Innsbruck*. Frankfurt a/M et al., pp. 87–107.

Krause, W.-D., 1999. Kommunikationslinguistische Aspekte der Textsortenbestimmung. In: W.-D. Krause, ed. *Textsorten: Kommunikationslinguistische und konfrontative Aspekte*. Frankfurt a/M et al., pp. 34–67.

Krings, H.P., 1986. *Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht: Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern*. Tübingen.

Lifschitz, A.S., 2010. Translation in theory and practice: The case of Johann David Michaeli's prize essay on language and opinions (1759). In: S. Stockhorst, ed. *Cultural Transfer Through Translation: The Circulation of Enlightened Thought in Europe by Means of Translation*. Amsterdam; New York, pp. 29–43.

Luckhardt, H.-D., 1987. *Der Transfer in der maschinellen Sprachübersetzung*. Tübingen.

Neurath, O., 1932. Protokollsätze. *Erkenntnis*, 3, pp. 204–214.

Newmark, P., 1996. The ethics of translation: Diverging from the source language text. In: A. Lauer et al., eds. *Übersetzungswissenschaft im Umbruch: Festschrift für Wolfram Wilss zum 70. Geburtstag*. Tübingen, pp. 37–41.

Nord, Ch., 1997. So treu wie möglich? Die linguistische Markierung kommunikativer Funktionen und ihre Bedeutung für die Übersetzung literarischer Texte. In: R. Keller, ed. *Linguistik und Literaturübersetzen*. Tübingen, pp. 35–59.

Osgood, Ch. E., 1980. *Lectures on language performance*. New York et al.

Powell, J.G.F., 1995. Cicero's translations from Greek. In: J.G.F. Powell, ed. *Cicero the philosopher*. Oxford, pp. 273–300.

Rushdie, S., 2012. *Imaginary homelands. Essays and criticism 1981–1991*. London.

Quine, W. V. O., 1960. *Word and object*. Cambridge (Massachusetts).

Quine, W. V. O., 1999. Where do we disagree? In: L. E. Hahn, ed. *The philosophy of Donald Davidson*. Chicago; La Salle (Illinois), pp. 73–79.

Riffaterre, M., 1995. On the complementarity of comparative literature and cultural studies. In: Ch. Bernheimer, ed. *Comparative literature in the age of multiculturalism*. Baltimore; London, pp. 66–73.

Trivedi, H., 2009. Anglophone transnation, postcolonial translation: The book and the film as namesakes. In: S. Säckel, W. Göbel, and M. Hamdy, eds. *Semiotic Encounters: Text, Image and Trans-Nation*. Amsterdam; New York, pp. 31–49.

Weinberger, E., 2013. Anonymous sources (On translators and translation). In: E. Allen and S. Bernofsky, eds. *In Translation: Translators on their work and what it means*. New York, pp. 17–30.

Zolyan, S.T., 2019. On the foundations of the theory of interdisciplinary transfers. Traductological relativity principle. *Metod: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [Method. Moscow yearbook of studies in social sciences], 9, pp. 193–232 (in Russ.).

The author

Dr Valery Z. Demyankov, Professor, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: vdemiank@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9331-3708

To cite this article:

Demyankov, V. Z., 2023, Translation as a journey through possible and impossible worlds, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 3, pp. 26–39. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-2.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))